

Т.М. Николаева

СЕМАНТИКА УБЕЖДЕНИЯ: РЕЧЬ МАРКА АНТОНИЯ НАД ГРОБОМ ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ

1. Нередки ситуации, когда один человек умеет полностью переубедить другого; нередки и ситуации, когда и один человек может повлечь за собой толпу, переубедить ее, если мнение толпы сформировано, или просто убедить - если перед ним *tabula rasa*. Даже наш "нейтральный неформальный разговор предполагает осуществление власти, т.е. воздействие на восприятие и структурирование мира другим человеком".¹

Каковы же движущие силы механизма убеждения? По сути этим занимаются еще с античных теорий красноречия. Однако сейчас, как представляется, человечество располагает суммой знаний о четырех факторах, способствующих убеждению (переубеждению) социума. Правда, эти факторы гетерогенны. Итак, это - 1) новые данные об обсуждаемой ситуации. В детективных сочинениях много различных "а вдруг" - новых неожиданных данных, сенсационных фактов, доказательств, они создают истину, истина "в последней инстанции" убеждает. Однако и с истиной дело обстоит не так просто: оказывается, что наше намерение убедить входит в систему подачи истины говорящим,² наконец, как это ни парадоксально, одно и то же может быть истинным или ложным в зависимости от говорящего.³

2) Это прямое обращение к собеседнику (собеседникам) с различными их именованьями. Тут возникают два возможных для говорящего полюса: лесть или оскорбление; человечество пока еще не научилось игнорировать и то, и другое.

Оба фактора - новые данные и номинации - связаны с депотативной стороной сообщения, с истиной, выявляемой или подтасовываемой. Следующие два фактора связаны с формой. Это: 3) Риторика и ее компоненты; 4) Стиль говорящего, некий неуловимый X, *ton qui fait la musique*. Эти факторы обусловлены социально и социально же понимаются. Нередко приходится слышать оправдательные слова какой-нибудь грубой женщины: "А это я сказала? Что я, обозвала ее как-

нибудь? Или неправду сказала?" Грубость, как это ни странно, часто связывается не с сигнификативной стороной, а с денотативной.

Как представляется, существует еще и пятый путь убеждения и воздействия: он связан с формированием / деструкцией социального общего мнения. Страх социального одиночества оказывается часто большей опасностью для индивида, чем стихийное бедствие: человек боится не только поступать иначе, но и думать иначе. Мощный аппарат лингвистических конструкций, опирающихся на ось: социум - оценка - норма - служит и выражению общественного мнения (а чаще гримирующемуся под него квазивыражению) и индивидуальному самовыражению: я думаю, как все, или, что важнее и что нужно внушить, все думают, как я. Как пишет Г.Вайнрих, "3-й закон семантики: всякое значение слова социально".⁴ Эта установка на мнение, социальное или индивидуальное, уводит все дальше от ситуационной оси: истина / ложь и создает основу для множества языковых манипуляций. Например, если в вазе пропало печенье и говорится, что Дэвид взял его, Дэвид украл, Дэвид стибрил, то "не существует такого критерия, который позволил бы проверить, было ли печенье взято, стибрено или украдено. Тем не менее для Дэвида и его матери небезразлично, какое из этих выражений выбрано".⁵

Поэтому лингвистику можно по праву считать "королевой наук", учитывая и ее задачи, и ее достижения. А именно. Как и науки описательные типа геологии или химии, она занимается тем - в отношении своего объекта - "как это устроено"? Науки естественного склада занимаются не только структурой компонентов, но и их функцией, т.е. "зачем это нужно и как это функционирует?" Этим же занимается и лингвистика. Но объект лингвистики - языковая действительность - обладает свойством самоманипулирования: высказывание может лгать, не сообщая неверных фактов, может убеждать, не сообщая никаких фактов, может вести за собой или оскорблять. Т.е. речь идет не о прямом воздействии, а о воздействии через языковое манипулирование. Тем самым Язык отражает возможности Человека, недаром прозванного "венцом творения". "Мы не рабы слов, потому что мы хозяева текста".⁶

2. Речь Марка Антония, бывшего консулом вместе с Цезарем в год его трагического убийства, была во всех смыслах исторической: она переломила историю Рима. Антоний предложил забвению вражду и дружбу заговорщикам Бруту и Кассию. С их ведома и согласия он должен был сказать надгробное похвальное слово на похоронах Юлия Цезаря. В результате этой речи заговорщикам пришлось бежать, народ, клявшийся именем Цезаря, которого только что проклинал, с факелями

бросился к их домам. В Рим срочно прибыл внучатный племянник погибшего и его наследник Октавиан, ход римской истории переменялся.

Что же важно понять исследователю лингвистики текста? Это то, что же такое мог сказать консул Марк Антоний, что перевернуло ориентацию многоликой и переменчивой римской толпы? Вот свидетельство Светония: "Вместо похвальной речи, консул Антоний объявил через глашатая постановление сената, в котором Цезарю воздавались все человеческие и божеские почести, затем клятву, которой сенаторы клялись все блюсти жизнь одного и к этому прибавил несколько слов от себя".⁷ Таким образом, здесь мы видим речь Антония ориентированной на пункт 2 из указанных нами выше: установка взята на прямое хвалебное обращение, на депотативную сторону, с креном в ось похвалы. Вот описание той же речи у Плутарха: "Антоний, в согласии с обычаем, сказал похвальную речь умершему. Видя, что народ до крайности взволнован и увлечен его словами, он к похвалам примешал горестные возгласы, выражал негодование происшедшим, а под конец, потрясая одеждой Цезаря, залитою кровью и изодранной мечами, назвал тех, кто это сделал, душегубами и подлыми убийцами".⁸ И здесь мы видим тот же метод прямых номинаций: к похвале покойному присоединяются негодование и прямое оскорбление убийц-заговорщиков.

Настоящая статья посвящена речи Марка Антония у Шекспира.⁹ Чем же отличается именно эта речь? В пьесе есть увлекательная для лингвиста деталь. Брут и Кассий боятся красноречивого (как сообщает Плутарх, он прошел специальную школу азиатического красноречия) Антония. Они налагают пути на его элоквенцию: "Mark Anthony, here, take you Caesar's body. You shall not in your funeral speech blame us. But speak all good you can devise of Caesar. And say you do 't by our permission. " Т.е. он может только хвалить Цезаря, по ему запрещено критиковать заговорщиков.

Дальнейший анализ есть наша попытка понять "функциональную морфологию" речи Антония, разложив ее на несколько линий - с тем, чтобы эффект целого был более явным.

3. Речь Марка Антония предваряется речью Брута, где он перечисляет проступки Цезаря перед римской республикой и говорит а своей личной любви к Цезарю. Толпа полностью убеждена Брутом. Речь Марка Антония кажется уже почти формальным ритуалом, который все же соблюдается. Приводим ее текст до переломного отношения толпы, поскольку дальнейшие слова (о завещании Цезаря), несмотря на свою важность, уже практически ничего не меняют:

Friends, Romans, countrymen, lend me your ears;
I come to bury Caesar, not to praise him.
The evil that men do lives after them;
The good is oft interred with their bones;
So let it be with Caesar. The noble Brutus
Hath told you Caesar was ambitious;
If it were so, it was a grievous fault,
And grievously hath Caesar answered it
Here, under leave of Brutus and the rest -
For Brutus is an honourable man;
So are they all; all honourable men -
Come I to speak in Caesar's funeral.
He was my friend, faithful and just to me;
But Brutus says he was ambitious;
And Brutus is an honourable man.
He hath brought many captives home to Rome;
Whose ransoms did the general coffers fill.
Did this in Caesar seem ambitious?
When that the poor have cried, Caesar hath wept:
Ambition should be made of sterner stuff;
Yet Brutus says he was ambitious;
And Brutus is an honourable man.
You all did see that on the Lupercal,
I thrice presented him a kingly crown,
which he did thrice refuse: was this ambition?
Yet Brutus says he was ambitious;
And, sure, he is an honourable man.
I speak not to disprove what Brutus spoke
But here I am to speak what I do know
You all did love him once, not without cause:
What cause withholds you then, to mourn for him?
O judgement! Thou art fled to brutish beasts,
And men have lost their reason. Bear with me;
My heart is in the coffin there with Caesar,
And I must pause till it come back to me.

Речь Марка Антония, по нашему мнению, опирается на три базовых понятия: Оценка - Речь - Факт. Компоненты эти сплетаются сложным образом: например, существуют две оценки Цезаря (по Фактам - оценка Антония) и по Речи (оценка Брута, т.е. оценка Брута дана только через

его речь). Речь самого Марка Антония есть конфронтация этих двух оценок.

В речи Марка Антония есть и Ключи: фрагменты, вызывающие к понимающему и готовому воспринять слушателю. Таким образом, в речи Марка Антония есть Ключи, Базовые понятия и Движущие текст линии.

Предлагаемый ниже анализ строится по следующей программе.

- I. Сообщение ключевых фрагментов.
- II. Самооценка Марком Антонием своей собственной речи как некоторой сознательной функциональной акции.
- III. Характеризация Брута и заговорщиков.
- IV. Характеристика Юлия Цезаря: а/ обсуждение понятия *ambitious*, т.е. оценки, данной Брутом в качестве непреложной, аксиоматичной.
- V. Описание отношения Марка Антония и Цезаря.
- VI. Описание отношений толпы и Цезаря.

I. По нашему мнению, ключевых фрагмента в речи два.

- 1) Намек на то добро, которое свершил Цезарь и которое уйдет с ним ("The good is oft interred with their bones; So let it be with Caesar").¹⁰
- 2) Изначальное сомнение в том, был ли Цезарь честолюбцем и заслужил ли столь суровую кару: "If it were so, it was a grievous fault, And grievously hath Caesar answered it."¹¹

II. Существенно, что сам Марк Антоний все время оценивает свои цели и свою речь, т.е. в его речь сознательно вводится метатекстовое начало. Речь свою Антоний определяет по отношению к указанной нами системе базовых отношений: Факт - Речь. Приводим в виде цепочки все метатекстовые определения Антония: Цель его - Факт:

I come to bury Caesar, not to praise him (т.е. не - Речь) -
Come I to speak in Caesar's funeral - (Цель - все-таки Речь) -
I speak (Речь) - *not to disprove* (Речь) - *What Brutus spoke* (Речь) - *But here I am to speak* - (Цель - Речь) -
what I do know (Главное - Факт).

Таким образом метатекстовая нить речи Антония есть как бы сообщение о фактивности его собственной речи, тем самым она приобретает перформативное значение. Этим речь Антония отличается от речи Брута, представляющей лишь реестр проступков Цезаря.

III. Плутарх сообщает о жестокой критике Антонием заговорщиков,¹² о посылаемых в их адрес проклятиях. Вспомним заданные ограничения у Шекспира: он не может бранить Брута и Кассия, но "Цезаря хвали ты сколько хочешь". И здесь Марк Антоний выходит из положения виртуозно: он не привлекает прямых номинаций, а

использует два приема: иерархии служебных слов-синонимов и их семантики, с одной стороны, и аллюзии, "игры слов" - названия без названия. Оппозиция двух основных характеристик, закрепленных за Брутом и Цезарем: *honourable / ambitious* может быть передана как "честоимец" и "честоищец". Марк Антоний вводит все тот же постоянный эпитет по отношению к Бруту (*honourable*), но он сопровождается все более снижающими этот образ союзами.¹³ Это Союзы: *For - But - And-Yet - Yet+sure*.

См.: "*For Brutus is an honourable man; so are they all, all honourable men - /But .../ - And Brutus is an honourable man - /Yet.../ - And Brutus is an honourable man - /Yet.../ - And, sure, he is an honourable man.*"

Название без прямой номинации не передано в русских переводах, оно относится к имени Брута и английскому *brutish* (жестокий, беспощадный): "*O judgement! Thou art fled to brutish beasts.*"

(см. разные варианты: "О здравый смысл! К зверям ты, верно, скрылся - перевод П.Козлова; О разуменье, ты к зверям бежало" - перевод М.П.Столярова).

IV. Многокомпонентной является характеристика самого Цезаря. Она строится на сложном отношении Фактов, сообщаемых Антонием, к Оценке, данной ему Брутом, которая в свою очередь есть как бы оценка толпы. Т.е. именно в этой части Марк Антоний по сути совершает ораторский подвиг: он переламывает общественное мнение, борется с толпой, уже успевшей воспринять некую оценку как данность.¹⁴

Последовательность Фактов, сообщаемых Антонием, значима и явно продумана.¹⁵

Факт 1: Цезарь - как друг, верный и преданный; сфера личных отношений: "*He was my friend, faithful and just to me.*"

Факт 2: Цезарь - победитель-воин, обогативший Рим; военная сфера: "*He hath brought many captives home to Rome, whose ransoms did the general coffers fill.*"

Факт 3: Цезарь - добрый и чувствительный ко всем страданиям человек; личная общественная сфера:

When that the poor have cried, Caesar hath wept.

Факт 4: Цезарь - не-честолюбец! Это доказывается очевидными свидетельствами: "*You all did see that on the Lupercal I thrice presented him a kingly crown, which he did thrice refuse.*"

По нашему мнению, вся эффектность этого последнего, по сути убийственного для Брута, фактивного сообщения, в том, что он - это подготовленный заключающий аккорд.

Все указанные факты перемежаются апелляцией к Оценке (Брута) через его Речь (*ambitious*). Марк Антоний параллельно обсуждает поступки Цезаря как честолюбивые или нет, но делает это тоже на метауровне, обсуждая само понятие "честолюбие". См. схему:

Факт 1-/ "But Brutus says he was ambitious;"

Факт 2-/ "Did this in Caesar seem ambitious?"

Факт 3-/ "Ambition should be made of sterner stuff."

Факт 4-/ соединение факта и комментария, Синтез/ "crown ... which he did thrice refuse: was this ambition?"

Но структура этой части речи Марка Антония не только двухуровневая. Напоминаем, что параллельно, через частицы, вводящие рефрен о достойном Бруте, идет снижение образа Брута. Таким образом схема в целом выглядит следующим образом:

For Brutus / /

Факт 1

But Brutus / /

Факт 2

Did this in Caesar seem ambitious?

Факт 3

Ambition should be made of sterner stuff.

Yet Brutus / /

Факт 4

Was this ambition?

Yet Brutus / / And, sure, ...

V-VI. Если в своей разоблачительной речи Брут говорит отдельно о своей личной любви к Цезарю и его преступлениях против республики, то Антоний постепенно объединяет Я и Вы/Мы/, т.е. строит свою речь так, что его дружба с Цезарем и его любовь к нему становится чем-то, что он разделяет со всей римской толпой. В конце, как и в случае Факта 4, следует обобщающий синтез, объединяются "Я" и "Все Вы".

He was *my* friend, faithful and just to *me* - *I* thrice presented him a kingly crown - *My* heart is in the coffin there with Caesar and *I* must pause till it come back to *me*. The noble Brutus hath told you - *You all* did see - *You all* did love him once, not without cause - What cause withholds *you* then to mourn for him - *Bear with me!*

Принято считать, что существует пять и только пять иллокутивных целей.¹⁶

Ассертивная - рассказ о том, как обстоят дела.

Комиссивная - состоит в том, чтобы обязать говорящего сделать нечто.

Директивная - попытаться заставить других сделать нечто.

Декларативная - изменить внешний мир посредством данного произнесения.

Экспрессивная - выразить чувства или установки.

Представляется, что выполнить все пять целей столь совершенно и столь кратко и красноречиво, удалось, видимо, только шекспировскому Марку Антонию.

П р и м е ч а н и я

- 1 Р. М. Блакар, *Язык как инструмент социальной власти, Язык и моделирование социального взаимодействия*. М. 1987, стр. 91.
- 2 Д. Болинджер, *Истина - проблема лингвистическая*. Там же, стр. 30.
- 3 Д. Дэвидсон, "Истина и значение", *Новое в зарубежной лингвистике*, выпуск XVIII: Логический анализ естественного языка. М. 1986, стр. 115.
- 4 Х. Вайнрих, *Лингвистика лжи, Язык и моделирование ...* стр. 49.
- 5 Р.М. Блакар, *Язык как инструмент социальной власти*. Там же, стр. 95.
- 6 Х. Вайнрих, *Лингвистика лжи*. стр. 54.
- 7 Гай Светоний Транквилл, *Жизнь двенадцати цезарей*. М. 1966, стр. 33.
- 8 Плутарх, *Сравнительные жизнеописания*. т. III. М. 1964, стр. 235.
- 9 Текст приводится по изданию: W. Shakespeare. *Julius Caesar*. Cambridge 1949.
- 10 "Переживает нас то зло, что мы свершили, а добро
Нередко погребают с пеплом нашим.
Пусть будет так и с Цезарем"
(Перевод М.П.Столярова)

- 11 "Что ж! Если так, виной то было тяжкой
И тяжело за нее он поплатился" (Перевод М.П. Столярова)
- 12 Плутарх, *Сравнительные жизнеописания*. т. III, стр. 235.
- 13 О разных вариантах смысла английского BUT, от возвышающего до снижающего, см: Л. Карлсон, "Соединительный союз BUT", *Новое в зарубежной лингвистике*, выпуск XVIII: Логический анализ естественного языка. М. 1986.
- 14 Недаром во вступительной статье к пьесе Л.Шестов называет ее героем именно римскую толпу (Л. Шестов, "В. Шекспир", *Полн. собр. соч.*, т. III. СПб [Брокгауз - Ефрон, 1903 г.]
- 15 "При перечислении не все частные случаи, призванные подкрепить правило, играют одну и ту же роль ... порядок их предъявления значим (Х. Перельман, Л. Олбрехт-Тытека "Из книги «Новая риторика»: Трактат об аргументации". *Язык и моделирование социального взаимодействия*, стр. 216).
- 16 Дж. Сёрль , Д. Вандервекен . "Основные понятия исчисления речевых актов", *Новое в зарубежной лингвистике*, выпуск XVIII: Логический анализ естественного языка. М. 1986.